

Девииантность: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

20 марта в МГППУ был проведен круглый стол «Девииантное поведение несовершеннолетних: новая реальность, новые вызовы и требования к специалистам системы профилактики».

В

приветственном слове декан факультета юридической психологии, профессор кафедры клинической и судебной психологии профессор **Николай Викторович Дворянчиков** подчеркнул, что приходится справляться с теми новшествами, которые несет с собой цивилизация.

— Детство современного ребенка совсем не похоже на детство тех специалистов, которые с ним работают, — отметил Н.В. Дворянчиков. — Знания, которые мы когда-то

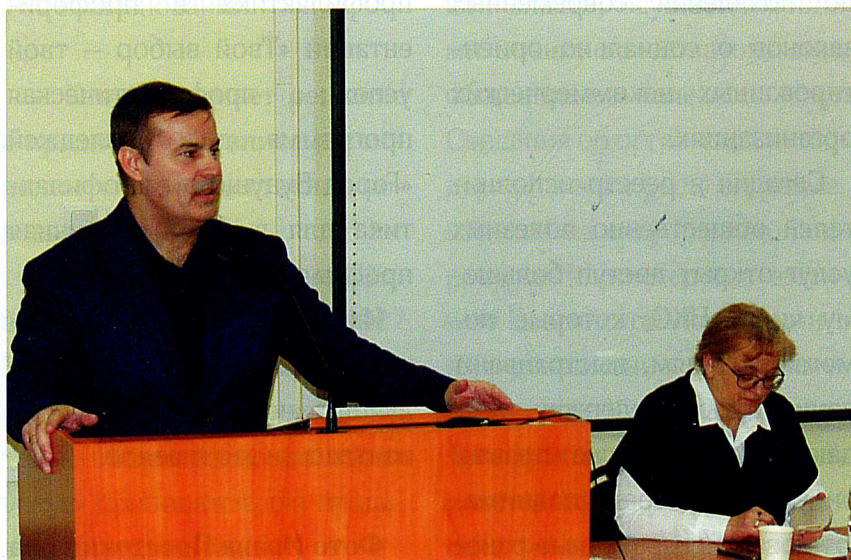
получали, устарели. Поэтому сейчас необходимо обновить наши знания, чтобы не отставать от времени.

Ребенок сейчас сталкивается с совершенно новой ситуацией социального развития. Развитие цифровых технологий сильно влияет на жизнь. Мы имеем дело с безумным потоком информации, с которым и взрослому, и ребенку очень сложно разобраться. И, бывает, что она представляет собой существенную угрозу или опасность для него. С одной стороны, технологии дают возможность общаться.

С другой, они сокращают дистанцию между ребенком и опасными обстоятельствами и местами, с которыми он, может быть, не должен быть в контакте.

Новая проблема — онлайн-поведение.

Индустрия компьютерных игр предлагает игры, которые увлекают, от которых трудно

оторваться. Соответственно, мы сталкиваемся с новыми видами аддикции и необходимостью их профилактики.

Кроме того, мы с вами живем в эпоху информационных войн. Дети сталкиваются с экстремистскими сообщениями в Сети, интернет-сообществами с антивитаальным контентом.

Появляется новая молодежная криминальная субкультура, с которой также нужно учиться работать.

Специалисты отмечают, что девиантное поведение детей уходит в Сеть.

Но бывает, что конфликт, начатый в соцсети, реализуется потом в открытом взаимодействии. Манипулирование в Интернете, секстинг и т.д.

Пока на эти новые вызовы ответов у специалистов по девиантному поведению нет.

Мы как специалисты смежных областей обсудим новые подходы, траектории социализации ребенка.

Теория плюс практика

От лица руководителя Управления процессуального контроля за расследованием отдельных видов преступлений Следственного комитета РФ генерал-майора юстиции, магистра психологии Евгении Викторовны Минаевой вы-

ступил руководитель организационно-аналитического отдела управления **Виктор Юрьевич Свечинов**.

— Стремительное развитие науки и технологии порождает серьезные изменения формата и сущности человеческих взаимоотношений. Дети, как лакмусовая бумажка общества, реагируют на эти изменения быстрее и

острее. Сегодня правоохранители повсеместно сталкиваются с огромным влиянием Интернета на образ мысли и поведение подростков. Кибербуллинг, группы смерти, пропаганда различных культур и движений, от зацеперов и руферов до откровенно криминальных, как например, АУЕ.

Поэтому важно развивать теоретические научные подходы и вооружать знаниями прикладных психологов и специалистов. Все происходящее в Сети процессы требуют адекватного ответа и своевременной про-

филактики. Взаимодействие практических сотрудников с научными кадрами очень ценно для совершенствования методик, определения дальнейших шагов развития юридической психологии.

Цифры и факты

Далее Виктор Свечинов перешел к теме своего доклада «Современные проблемы расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних», отметив, что представители науки и правоохранители схожим образом смотрят на эти проблемы.

— Наше ведомство недавно отметило 10-летний юбилей, — сообщил он. — Все эти годы расследованию преступлений, совершенных детьми и в отношении детей, уделялось особое внимание. По стране преступность несовершеннолетних снижается. В прошлом году наши следователи расследовали немногим более 19 тысяч таких преступлений, в 2015 году их было на четверть больше.

В основном, подростки совершают преступления против собственности и в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ. Также в прошлом году ими было совершено почти 1,5 десятка изнасилований,

свыше 300 преступлений сексуального характера.

Растет число преступлений демонстративного толка, когда подросток совершает преступление и снимает на видео, затем выкладывает в Интернет. Чаще всего это избиение сверстников.

Не лишним будет упомянуть и серию нападений на учителей и школьников в учебных заведениях самих учащихся. Во всех трех случаях они увлекались идеологией Эрика Харриса и Дилана Клиболда, которые в 1999 году в штате Колорадо устроили нападение с применением огнестрельного оружия на персонал школы Колумбайн и убили 12 человек, ранили 24. Они стали кумирами для последователей по всему миру.

Нападавшие в России копировали их манеру одеваться, отчасти манеру поведения, выкладывали в социальных сетях видеоролики с символикой Колумбайна и своими высказываниями намекали на то, какие действия готовят.

Недооценка влияния случаев в штате Колорадо на российских подростков и невнимательное отношение родителей, учителей и психологов к желанию детей подражать Клиболду и Харрису способствовали совершению

вышеуказанных преступлений.

Одним из триггеров, спровоцировавших эти нападения, стали вовремя не выявленные проблемы социализации подростков. Это довод в пользу предложения о широком развитии в стране психологической помощи и системы школьных психологов, в частности, в целях профилактики преступлений подростков. Недавно они были значительно сокращены во многих школах, сейчас вроде идет обратный процесс, но, на наш взгляд, еще не в должной мере эта служба развита.

Разработка и внедрение эффективных психологических методик выявления детей зоны риска приобретает особое значение.

Еще одна проблема – распространение криминальной субкультуры, в частности, движение АУЕ. Широкое распространение так называемой воровской идеологии среди населения характерно для Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, где значительное средоточие мест отбывания наказания в виде лишения свободы.

Я сам уроженец тех мест, мое детство пришлось на 90-е годы, когда все подростки жили «по понятиям». Сейчас в Забайкалье, в регионах Дальнего Востока происходит ре-

ванш 90-х, очень активно движение АУЕ завоевывает умы подростков. При этом уже новыми методами осуществляется эта экспансия, переходя к пропаганде в Интернете. Огромное количество групп, пабликов посвящены этому движению, с большим числом подписчиков.

Группы смерти: методами нашей борьбы с ними стали не только возбуждение уголовных дел по ст. 110 УК РФ в старой редакции, но и инициирование изменений в УК. Они летом прошлого года работали. С тех пор возбуждены более 20 уголовных дел по новым статьям за склонение к совершению самоубийства.

Однако преступники эти подталкивали к смерти тех подростков, у которых уже был суицидальный настрой. По каким признакам его можно выявить и как предупредить суицид? Как определить те грани, когда профилактика начинает подогревать интерес и превращается в пропаганду, провоцирует? Нам присылают множество различных методик по профилактике, просят опубликовать их на наших официальных сайтах. И нам важно знать позицию психологического сообщества.

Р.В. Чиркина предложила присылать эти методики на экспертизу в МГППУ.

На сексуальной почве

В последние 3 года число находящихся в производстве уголовных дел о преступлениях в отношении детей выросло на 3,5 тысячи, продолжал докладчик.

— Проанализировав данные за 5 лет, мы увидели, что число направленных в суд уголовных дел практически по всем видам преступлений, совершенных в отношении детей, снижается. И лишь по статье 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» растет, с 2013 года оно выросло в 4 раза. Число дел, направляемых в суд по ст. 134, 135 УК, составляет 36 % всех дел, которые направляют в суд о преступлениях, совершенных в отношении подростков.

Среди причин увеличения таких преступлений — более широкое информирование органами здравоохранения нас о выявленных признаках таких сношений.

Кроме того, в 2013 году ст. 134 УК был исключен признак половой зрелости. Раньше было «не достигших 16 лет и половой зрелости», т.е. если ребенок достиг половой зрелости в 15 лет, то к ответственности люди не привлекались. Сейчас значительно ужесточено наказание.

Специалисты отмечают, что девиантное поведение детей уходит в Сеть. Но бывает, что конфликт, начатый в соцсети, реализуется потом в открытом взаимодействии

Звучат полярные мнения, но единицы выступают за то, чтобы снизить возраст сексуального согласия.

Почти 70 % осужденных по ст. 134, совершили преступление в возрасте от 18 до 24 лет. При этом 90 % их партнеров были старше 14 лет. Чаще всего они дружили. Т.е. во многом причиной таких преступлений является раскованность современной молодежи, граничащая с распушенностью, ранняя осведомленность в вопросах взаимоотношений полов, доступная провоцирующая информация, в том числе порнографического содержания.

Как показывает практика, запретительными мерами невозможно искоренить преступность. Необходима профилактика добровольных половых сношений с детьми. Основным видом профилактики должна быть воспитательная работа с подростками в учебных заведениях. Считаю необходимым введение курса полового воспитания, пропа-

ганду традиционных семейных ценностей.

Н.В. Дворянчиков пояснил:

— Что касается зрелости, то наука сексология, психологическая часть клинической психологии, которая занимается сексологическими вопросами, описывает возраст сексуальной зрелости от 18 до 29 лет, поэтому говорить о снижении с точки зрения науки странно. Повышать и перекрывать возраст уголовной ответственности и возраст гражданской дееспособности тоже смысла нет.

Наш университет участвовал в рамках этой тематики в подготовке ряда предложений. Мы подали предложение Минобрнауки о сопровождении службы усыновления детей, и о комплексном психолого-сексолого-психиатрическом обследовании потенциальных усыновителей. Это позволит исключить риски, связанные с сексуальными девиациями. Те, кто совершил преступления сексуального характера и находится

на принудительном лечении, проходят такую экспертизу. И дается прогноз вероятностей повторения таких действий. Эта модель с небольшим уточнением могла бы быть применена для решения вопроса в отношении усыновителя или людей, принимаемых в штат учреждений.

— Усыновители не так часто совершают преступления против детей, как опекуны. Сейчас развивается возмездная опека, когда люди фактически работают родителями, выполняют работу по воспитанию ребенка за деньги. У них совершенно другие подходы к воспитанию. Часто дети становятся жертвами преступлений как со стороны самих опекунов, так и мужей, сожителей мам. Там действительно актуально раннее выявление таких наклонностей.

— Просвещение в области сексуальной сферы и традиционные ценности входят в противоречие, часть родителей восстают против самой формулировки «сексуальное просвещение». При этом одно другого не исключает, — считает **Р.В. Чиркина**. — Мы целостные личности, психосексуальное развитие является частью развития человека. Как подготовить школьников, чтобы и традиционным ценностям

отдать должное и при этом не оставлять их в неведении относительно рисков, связанных с этой стороной жизни? Родители часто бывают беспомощными, когда детям надо что-то объяснить в этих вопросах.

При работе с несовершеннолетними преступниками и потерпевшими мы постоянно пользуемся услугами педагогов и психологов. Причем, если в начале 2000-х психолог просто сидел и гарантировал, что на ребенка не будут давить, сейчас он играет активную роль, устанавливает контакт.

Мы настаиваем на том, чтобы было минимизировано число следственных действий с детьми. Следователи обязательно организуют реабилитацию потерпевших не только в рамках уголовного процесса, но и вне процессуальной деятельности, инициируют оказание психологической помощи потерпевшему, заступую и его родителям.

На всю Россию

Также Римма Вячеславовна подняла вопрос недопущения вторичной травматизации в процессе следственных действий, если речь идет о сексуальном насилии, например, и недопустимости широкой огласки таких случаев по ТВ.

— Действительно имеет место проблема распространения лишней информации о детях-потерпевших по телевидению. Несколько раз мы инициировали проведение процессуальных проверок и привлечение СМИ к административной ответственности. В УК имеется ст. 137 (ч. 3), которая запрещает распространение сведений о ребенке, ставшем жертвой преступления, если не соблюден ряд условий. Они прописаны в законе о СМИ. Такая информация о ребенке может быть разглашена только в трех случаях: когда родители дают согласие; если ребенок, достигший 14 лет, сам дает согласие; если это вызвано необходимостью расследования.

Если это половое преступление, то разглашение информации возможно только в целях его раскрытия.

— Девочке было 11 лет, сейчас ей уже 15, — продолжала **Р.В. Чиркина**. — До сих пор выпуск программы есть в Интернете. Было озвучено столько подробностей, что вред ре-

бенку причинен однозначно. Можно ли инициировать экспертизу по допуску программ до того, как они вышли? Фактически нужно проводить экспертизу самого замысла. Надо вводить какие-то процессуальные нормы.

— Не готов сказать, насколько обоснована такая предварительная цензура. Мы — за, но не всё общество может это воспринять, — заметил В. Свечинов. — Главным методом борьбы с таким явлением должно служить привлечение к ответственности. Редакция нарушает закон «О средствах массовой информации». Поэтому если такие сведения вам станут известны, на сайте СК можно разместить такую информацию, мы меры примем.

Сейчас в СК такая установка: ежедневно просматривать все новостные сайты и при обнаружении значимой информации ставить ее на контроль.

Р.В. Чиркина сообщила:

— На нашей магистерской программе «Юридическая психология детства: экспертиза, сопровождение, профилактика» готовят психологов, способных сопровождать детей в суде, судебно-следственном процессе. Предлагаем СК присылать к нам на обучение этой специализации своих сотрудников с высшим образованием.

Воздействовать законом

Преподаватель магистерской программы, председатель правления Национального фонда защиты детей от жестокого обращения, член правительственной Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав **Александр Михайлович Спивак** обратился к доказательному проектированию по оценкам

проектов в области управления социальными рисками в сфере детства.

Комментируя предыдущее выступление, он сказал:

— Действующая конструкция семейного законодательства и законодательства в сфере защиты прав и законных интересов детей не подразумевает абсолютного права родителя на принятие абсолютных решений, связанных с воспитанием детей. Семейный кодекс РФ в нескольких статьях фиксирует, что, например, норма воспитания и реализация права родителя

на воспитание не может сочетаться с оскорблением и унижением человеческого достоинства, жестоким обращением с ребенком и т.д. А есть органы, которые говорят, что в случае возникновения противоречия между интересами родителей и интересами детей в силу вступают полномочия государственных органов о назначении представителей в обеспечении интересов ребенка.

Недостаточно прописаны механизмы реализации этих прав. Представители родительской общественности справедливо считают, что есть некоторая неопределенность формулировок конкретных процедур, которые могут вести к произволу, решениям, ущемляющим права родителей.

Тот случай с передачей про девочку: мне кажется, коллегам из СК можно обратить на это внимание. Норма в УК РФ достаточно обще звучит: за распространение информации. Какой информации? Какое распространение? В каком виде, с какими целями? Достаточно широкими мазками прописано. Имеет смысл, наверно, провести специальную работу, чтобы уточнить, в каком случае государство может и должно от имени общества встать на защиту детей даже тогда, когда родители

дают соответствующее согласие.

«Пусть говорят» и подобные ток-шоу: мы понимаем, что продюсеры полагают, что можно показывать все, телевизор — зеркало жизни. В результате в интересах получения острого и жареного материала, который привлекает аудиторию, рекламодателей, и родители соответствующим образом обрабатываются. Им что-то обещают: популярность, гонорар. Так что родитель может дать согласие на публичность.

И если родитель дает согласие, не нарушает ли он базовые нормы, связанные с приоритетом интересов ребенка. Можно ли установить более жесткий фильтр, в том числе административно-уголовный?

Важно некоторое воздействие закона на производителей видеопродукции.

Запрет провоцирует

Если ребенок проявляет признаки девиантного поведения или стал жертвой правонарушений со стороны сверстников, как помочь, либо профилактически, либо уже по факту? Как предотвратить повтор, как снять психологические последствия для него? Это вопрос научно-методический — что можно

сделать в контексте работы с ребенком, с его семьей, с педагогическим, классным коллективом и т.д.

Интернет-среда — это еще один контекст, еще одна среда, в которой дети, да и родители существуют. Можно считать саму среду аморальной и противозаконной и начинать загонять людей в некоторые жесткие рамки, не пускать туда? Это бесперспективно.

Надо понимать, что теперь это обычное место общения и получения информации. Установление технических барьеров, фильтров, запретов для детей каких-то сайтов, конечно, нужны и важны на определенном уровне контроля, как нужен родительский контроль дома, но по логике это все равно, что установить некие кирпичи в реальном мире. Все равно, что загородить дорогу человеку в городе, который идет из благополучного квартала в более криминогенный, установить шлагбаум и полицейского. Это достаточно затратно и малореалистично. Подростки смышленные, они легко находят способы получать доступ ко всему запретному, а иногда запрет провоцирует желание доступ получить.

Поэтому надо в большей степени все-таки не ставить заборы, а понимать причины

таких действий и пытаться воздействовать на эти факторы.

Организация помощи

Вторая плоскость — это организация такой помощи.

Есть методики и технологии, как работать с той или иной категорией, как реабилитировать подростка, совершившего какие-то преступления, как не допустить — они разные, зависят от конкретных особенностей детей, педагогов. Нет универсального лекарства. Разные инструменты подбираются под разные варианты нужд.

Мы работаем в сфере профилактики социального сиротства, и понимаем, что в случае, когда родители были выпускниками детского дома, — подойдут одни способы реабилитационной профилактической работы. Если родители выросли в благополучной семье — другие. Когда родители находятся в стрессе из-за тяжелых материальных условий — третьи. Разные виды социально-психологической помощи нужны. Так и здесь нет никакого универсального ответа.

Поэтому система в организационной плоскости должна подбирать правильный инструмент в каждом случае.

Нужно иметь механизм, который бы обеспечивал выявление и подборку нужного инструмента, и сами эти инструменты.

И специалисты должны владеть этим инструментарием практически.

Но должна быть система. Она должна опираться на помогающие, а не только на доказательные инструменты, меры ответственности. Это первый существенный переход, который произошел. Он есть в понимании многих людей. Но в систему не воплотился, работает на уровне отдельных практик.

Что у нас называют профилактической работой? Провести беседу?

Подростка встретили в неурочное время с бутылкой пива в компании. Вызвали к учителю, на педсовет, к директору школы, на внутришкольный учет поставили, на КДН инспектор с ним разговаривает. Около 80 % случаев это выглядит так: «Что ж ты так себя ведешь, плохо, неправильно? Ты не должен». В мягком варианте — это объяснение того, как правильно и неправильно, в общем-то, ничем не подкрепленное. В худшем — привлечение к ответственности. Для родителей это ст. КоАП РФ 5.35 о ненадлежащем исполнении обязанностей, для подростка — угроза исключения

Все происходящие в Сети процессы требуют адекватного ответа и своевременной профилактики

из образовательной организации до помещения в закрытое учебное учреждение.

Эти действия направлены на попытки установить границы человеку и попытку призвать к соблюдению этих границ. И эта система не задается вопросом: а почему так произошло у этого подростка, во-первых. И почему так произошло у него, как части его семьи, во-вторых. Классный руководитель не может проанализировать ситуацию семьи. У него нет времени туда пойти и профессиональных инструментов.

Каким инструментом?

Доминируют инструменты «наказать», «призвать», «побеседовать».

Эти меры срочного реагирования работали в советское время и в 90-е, когда был вал безнадзорности и беспризорности, работали. Детей, которые не поддавались внушению, помещали в приюты. Они были переполнены.

Сейчас другой этап. Ставится задача сохранить ребенка в

кровой семье. Значит, карательные инструменты должны в принципе замениться помогающими.

Бесполезно обсуждать процессуальный аспект деятельности правоохранительных органов и КДНиЗП по части протоколов 5.35 или о совершении подростком правонарушения. Комиссия рассматривает эти персональные дела раз в неделю с 12 дня до 8 утра. Эта практика мало соответствует современным требованиям, поскольку она не дает понимания того, почему так произошло, поэтому чаще всего не дает эффекта.

Система должна включать помогающие инструменты. Какими должны быть помогающие инструменты, как они должны быть устроены?

Помощь должна быть профессиональной.

Это не общественное воздействие: мы все тебе всем миром посоветуем, поддержим психологически, поговорим.

Есть соблазн массово взяться за профилактику суицидов: читать лекции, проводить беседы о том, что жизнь ценна,

может быть, даже с классом. Но у конкретного ребенка может быть депрессия, душевный кризис.

И этот разговор может привести, во-первых, к углублению кризиса у ребенка.

Во-вторых, к психологическому заражению других детей: а, оказывается, есть такой способ вылечить проблему, а то Вася на меня внимания не обращает.

Здесь очень важны точность, понимание того, с кем именно идет работа.

Работа должна вестись не только с ребенком. Три четверти девиантного поведения своими корнями уходит в то, что переживал ребенок в своей семье, поэтому нужно работать и с ней. Но с семьей у нас работают другие службы.

Наказать – не первоочередная задача. Если человек нарушил закон, он должен нести ответственность. Но защитить ребенка, исправить, предотвратить последствия нужно не путем формального прописывания каких-то «таблеток». Это вопрос индивидуализации помощи.

На индивидуальной основе

При обнаружении признаков риска возможных негативных событий надо выстроить на индивидуальной основе

программу помощи конкретному ребенку и его семье.

Программа может утверждаться на разных уровнях. Если нарушены права ребенка – программа может утверждаться КДНиЗП, может быть программа с оказанием услуг на базе образовательной организации.

Должен появиться план на конкретный срок, за реализацию которого отвечает конкретный специалист. После этого срока мы должны посмотреть, достигли ли мы задач или нет, надо ли менять план.

Если идти по такой организационно-управленческой линии, вопрос подбора инструментов будет легче. Мы бы постепенно насыщали пространство этими методиками.

И система должна обеспечить механизм работы: должен быть человек, который определит, что применимо для таких-то детей и их родителей. Мы можем это заказать, получить, направить туда ребенка, привлечь специалиста и т.д.

Сейчас происходит не так.

Ребенка ставят на учет. А важно то, что с ним в рамках этого делают. Чаще всего присутствие в списке означает только то, что раз в месяц напишут отчет о том, что он в списке.

Есть экспериментальные площадки, проекты, государственные и негосударственные, и небольшая часть детей через какие-то методики пропускается. А система позволила бы каждому ребенку, который столкнулся с подобной ситуацией, стать получателем такой помощи.

И каждый регион, муниципалитет обнаружит, где не хватает персонального инструментария. Возникнет открытый спрос на знания, методику, специалистов и т.д.

Те, кто освоил современные профессиональные подходы, будут результативнее и эффективнее.

– В какой структуре должен работать кейсменеджер, который ведет конкретный случай, знает ресурсы региона, с какой функциональной задачей? – спросила Р.В. Чиркина.

– Есть разные модели.

Где чаще всего проявляется девиантное поведение? В образовательных организациях. И целый комплекс реабилитационной работы должен проводиться с ребенком, его семьей, иногда с ближайшим социальным окружением.

Вряд ли детский сад и школа могут целиком взять такую работу на себя, для этого не просто психологическая служба нужна, а блок психолого-медико-социального со-

провождения семей, отдельное подразделение.

Можно по такому пути идти, но это мало похоже на реальность.

Параллельно есть целая инфраструктура в социальном обслуживании населения, центры по работе с семьями и детьми. Их профессиональный ресурс можно было бы использовать.

Специалисты должны посещать семью или приглашать их, вести диагностическую работу, выстраивать реабилитационные планы, сопровождать семью для прохождения этих мероприятий и т.д. Орган управления принимал бы решение, что такая помощь необходима, а образовательная организация и социальное обслуживание включались бы в этот план.

Есть еще один вариант: объединить все кадровые ресурсы, которые сейчас разбросаны между органами опеки, КДНиЗП, и т.д. и включить в них людей, которые осуществляют непосред-

ственное сопровождение. Это должна быть полноценная организация, в которой есть психологи, социальные педагоги, специалисты по социальной работе и т.д.

Системный подход

В нашем законодательстве не прописаны шаги по защите прав детей. Прописаны полномочия КДНиЗП. Получается, комиссия становится самоцелью. А должно быть наоборот: ресурс должен вписываться в процесс.

Сам процесс должен быть предписан. Коллеги из Министерства юстиции, когда анализировали результаты Национальной стратегии действий в интересах детей, УФСИН, правоохранительные органы пришли примерно к тем же выводам. Потому что они видят последствия: детей, которые вышли из мест лишения свободы, закрытых учреждений, с которыми никто планомерно не работал.

Школа «Шанс» осущест-

вляла сопровождение конкретных детей, совершивших правонарушение, по месту жительства. Эта практика описана, есть специалисты, которые могут этому научить. Но это единичные примеры, а надо создать систему.

Р.В. Чиркина: Конечно, надо подходить со структурной, системной позиции, потому что если вливать новое вино в старые меха, оно прокисает.

Есть ресурсный подход, когда мы определяем, в чем ресурсы, на что опереться, что развивать в этом человеке. Это действительно вопрос индивидуальной работы. Надо усиливать сильные стороны, тогда слабые перестанут так влиять.

— В квалификацию специалиста должно входить умение определять сильные и слабые стороны, создавать ту среду, которая может повлиять на конкретного человека, — согласился А.М. Спивак. — Должно быть много инструментов. Вот, допустим, медиация — она во многих случаях уместна. Но это не значит, что если мы создадим в каждой школе службу медиации, все негативное исчезнет. Она все собой не заменяет. Так же как и психологическая служба, какой бы мощной она ни была.

Фото Юлии Поповой